

АНДРЕЙ ФУРСОВ

НА ПОРОГЕ НОВОГО МИРА: ХМУРОЕ УТРО, ОГОНЬ И СТАЛЬ

(Мировые элиты, местная “илитка” и левый проект)

Беседовал Алексей Коленский

– Давайте определимся с термином. Элита – это группа лиц, от поколения к поколению приумножающих богатство и власть, или социальный слой, сформированный культурно-образовательным, управленческим и властным институтами, определяющими вектор развития, отстаивающими интересы страны на мировой “игровой доске”?

– Понятие “элита” весьма многозначно, хотя и не столь, как “цивилизация” или “демократия”. В обиходном значении элита – это лучшие. Однако в обществоведении, будь то социология или политическая наука, под элитой понимается внутренне связанный слой людей, занимающий верхние “этажи” социума благодаря власти, собственности и образованию. Мы прекрасно знаем, что во власти часто оказываются далеко не лучшие, а вовсе наоборот.

Частью элиты является правящий слой, хотя не все представители правящего слоя могут фиксироваться как элита. Впрочем, элитой общества являются многие из тех, кто не относится к правящему классу, но влияют на общественные настроения своей профессиональной деятельностью (писатели, журналисты, деятели культуры и науки и т. п.). В то же время такое понятие, как “господствующий класс/слой”, шире понятия “элита”: например, далеко не всех торговцев или банкиров, разбогатевших на грабительских реформах 1860–1870-х годов, можно отнести к элите, и не потому, что они сморкались в пол, а потому, что не влияли на власть и не имели образования. Значение слова “элита” и научный термин “элита” далеко не всегда совпадают. Далее я буду пользоваться термином “элита” в научно-обществоведческом плане, делая, когда это необходимо, оговорки. Впрочем, в то время как политологи говорят об “элите РФ”, народ и многие публицисты называют эту публику “илиткой” – и в целом они правы.

– Сегодня нередко говорят о наднациональных элитах, игнорирующих общественные интересы...

– Наличие наднациональных, надгосударственных элит и их структур – имманентная черта капитализма как системы; более того, без наличия этих

ФУРСОВ Андрей Ильич — Директор Института системно-стратегического анализа; директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета.

структур его нормальное функционирование трудно представить. Суть в том, что капитализм в экономическом плане – единое целое без границ, а в политическом – сумма государств, разделённых границами. Налицо противоречие в капсистеме между капиталом и государством, экономикой и политикой, целостностью и суммарностью. У крупной буржуазии, особенно финансовой, всегда есть интересы за пределами их государства, реализация этих интересов требует нарушения политических границ, то есть снятия указанного противоречия. Систематически это возможно лишь при наличии структуры (организации), которая носит надгосударственный (наднациональный) и закрытый характер, а потому способна влиять на государство (государства) в закрытом режиме.

Когда на рубеже XVII–XVIII веков наличие такой структуры стало императивом, у европейской, прежде всего, английской и голландской буржуазии и у созданных ею новых, буржуазных монархий таких своих структур не было, и они схватились за то, что имелось на тот момент наднационального. Во-первых, это были масонские структуры; во-вторых, разбросанные по всей Европе и тесно связанные друг с другом еврейские общины, еврейский торговый капитал (позднее, уже в XX веке к еврейской диаспоре добавилась армянская, но она, как и ещё позже ливанская, не достигла еврейского уровня влияния); в-третьих, связанные родственными надгосударственными (династическими) узлами монархические и аристократические семьи.

Интересы и цели капиталистического накопления, капсистемы в целом привели к тому, что в начале XIX века, с окончанием наполеоновских войн все эти наднациональные структуры Запада тесно переплелись друг с другом, и оформилась невиданная до тех пор уже не просто международная (международными были союзы государств), а мировая сеть. Её главными узлами (или, если угодно, головами дракона) на тот момент были государство-гегемон капсистемы Великобритания, управляемая клубами и островными ложами; масонские организации – островные и континентальные; финансовый капитал (прежде всего Ротшильды). Ну и, конечно, династическая система Европы, королевские и герцогские семьи (на первом плане – Великобритания, а также Нидерланды, Швеция, Норвегия, Лихтенштейн). Эта сеть ни в коем случае не была мировым правительством. Во-первых, такое по целому ряду причин (прежде всего, из-за конкуренции и различия интересов) было невозможно; во-вторых, мировая сеть намного эффективнее мирового института, каковым является правительство или объединение правительств.

К середине XIX века масонские структуры (“эпоха революций” 1789–1848 годов) так или иначе пришли к власти в крупнейших государствах Европы, произошло огосударствление регулярного масонства (которому теперь противостояли “дикие ложи”), но на этом восходящая линия истории масонства, по сути, закончилась – оно стало выполнять функцию рекрутирования элиты, социального лифта, канала связи и – в ряде ситуаций – ширмы.

В последней трети XIX века экономическая рецессия 1873–1896 годов, ослабление Великобритании как гегемона капсистемы, подъём США и Германии, обострение борьбы за новый передел мира (“эпоха империализма”) потребовали создания новых, постмасонских наднациональных структур мирового согласования и управления. Они и были созданы в Великобритании – общество Сесила Родса, которое после его смерти плавно трансформировалось в общество Милнера – “Круглый стол” (Round Table), или “Мы” (We).

Вообще нужно сказать, что эволюция закрытых наднациональных структур как оргорулия верхушки мирового капкласса практически полностью совпадает с эволюцией капсистемы, точнее, её североатлантического ядра: каждый поворот, каждый новый период в развитии капсистемы, в наступлении нового этапа формирования североатлантического господствующего класса сопровождался появлением новых (или перерождением, качественной “реновацией” старых) закрытых структур. Если говорить о послевоенном времени, то это Бильдербергский клуб и намного более серьёзные структуры типа *Siècle* (“Век”) и *Cercle* (“Круг”). Впоследствии были созданы структуры с “двойным дном” – “Римский клуб” (1968) и “Трёхсторонняя комиссия” (1973). Задачами всех этих структур было:

во-первых, теснее сплотить две ветви западной элиты – англо-американскую и западноевропейскую (главным образом, североитальянские и южно-немецкие гвельфские и испанские аристократические семьи, традиционно ориентирующиеся на Ватикан);

во-вторых, урегулировать отношения между финансовым и промышленным капиталом, а также между государственно-монополистическим капиталом и транснациональными корпорациями;

в-третьих, ослабить СССР путём втягивания его правящего слоя (номенклатуры) в глобальные процессы по внешне нейтральным направлениям (экология, демография, глобальное прогнозирование и управление).

Решение третьей задачи позволяло одним группам мировой буржуазии в своих тактических интересах использовать СССР против других групп или государств (как в довоенный период это делали США, используя сталинский СССР по одной линии – в их борьбе против Великобритании и Германии, по другой – в борьбе промышленного капитала против финансового). Подспудно в ходе этого “сотрудничества” делалось всё, чтобы стратегически максимально ослабить СССР – вплоть до его демонтажа, активно поощряя формирование в нём заинтересованных в этом лиц, групп, структур.

Хочу подчеркнуть особую роль в мировой сети монархо-аристократических (“династических”) семей. Они никуда не делись при капитализме. То, что они далеко не всегда на виду, – это нормально, это факт. Как, например, и то, что, по оценкам специалистов, до 50% немецкой промышленности владеют (прямо или опосредованно) представители аристократии. О масштабах землевладения монарших и аристократических семей я уже не говорю. В Англии с XII века, со времён Ричарда Львиное Сердце, власть и собственность принадлежат примерно одному и тому же 1% населения, внутри которого многие перероднились. Это значит, что торжество вертикальной мобильности над горизонтальной в эпоху индустриального капитализма – не более, чем миф.

– **Складывается впечатление, что сегодня многоглавый дракон, его мировая сеть переживает глобальный ценностный кризис...**

– Дело не в ценностном кризисе как таковом – он всего лишь элемент целого и следствие причины. Он – проявление терминальной фазы системного кризиса капитализма. Научно-техническое и промышленное развитие капсистемы в 1950–1960-е годы стало реально угрожать позициям “хозяев истории” – так мировую верхушку и её закрытые структуры называл Дизраэли, один из самых известных и влиятельных британских премьеров XIX века, ставленник Ротшильдов, воспевавший их в романе “Коннингсби”.

На рубеже 1960–1970-х годов мировой правящий класс стал существенно притормаживать и научно-технический прогресс, и промышленный рост, обосновывая это экологической угрозой. Отсюда – квазиидеология экологизма (пост)западных элит, в основе которой – ненависть к человечеству как совокупности лишних едоков (линия от Мальтуса дотянулась до Гейтса).

В те же 1960-е годы по своим эгоистично-квазиклассовым причинам от рывка в посткапиталистическое будущее отказались хозяева системного антикапитализма – советское высшее руководство. К тому же последнее, во-первых, взяло курс на интеграцию в мировую капсистему – вместо того, чтобы создавать **реальную** надгосударственную систему мирового социализма; во-вторых, стало активно участвовать в создании нерегулируемого мирового финансового рынка, стихию которого в 1980-е годы буржуины наведут на соцлагерь.

Иными словами, на рубеже 1960–1970-х годов был дан старт деградиционной модели развития, сменившей двухсотлетнюю модель восходящего, прогрессивного развития капсистемы. Новая модель, помимо прочего, предполагала разрушение, демонтаж традиционных форм и институтов эпохи Модерна – государства, гражданского общества, политики и особенно образования.

Иными словами, с 1960-х годов в обоих сегментах мировой системы – капиталистическом и социалистическом – одновременно началась контрреволюция в научно-технической сфере. Если в СССР в случае продолжения научно-технического прогресса возникла угроза ослабления контроля над обществом со стороны партноменклатуры, то на Западе с аналогичной угрозой сталкивались финансово-промышленные олигархии и корпорации. Отсюда – торможение НТП. Причём произошло это в тот момент, когда СССР, благодаря наработкам В. М. Глушкова (система ОГАС), И. С. Филимоненко (холодный термоядерный синтез) и В. Н. Челомея (военные наработки), мог уйти в отрыв и **навсегда** оставить США в историческом офсайде со всеми вытекающими системно-мировыми и геополитическими последствиями. Тем более

что к концу 1960-х США проиграли СССР экономическую гонку и перестали быть самовоспроизводящимся хозяйственным “организмом”, а к концу 1970-х практически многие основные отрасли американской промышленности утратили конкурентоспособность даже на внутреннем рынке. Вот здесь-то и можно было “ронять” США. Однако вместо этого советская верхушка купилась на проекты Римского клуба и предложенный американцами детант (“разрядка напряжённости”) и не только не подтолкнула падающего, но своими финансовыми играми с Ротшильдами и нефте-зерновыми – с Рокфеллерами помогла ему устоять, укрепиться, после чего с начала 1980-х США развернули решающее наступление на СССР: второй раз предоставлять шанс воспользоваться их слабостью они не собирались – “империю зла” надо было “уронить”.

1970–1980-е годы выявили, что позднекапиталистическое общество сложнее существующей системы управления/власти – как официальной государственной, так и закрытой надгосударственной. Согласно закону Эшби, управляющая (под)система должна быть сложнее управляемой ею системы, только в этом случае система может нормально развиваться, а управляющие сохранят свои позиции – власть, статус, собственность. В течение двухсот лет, со времени активного начала промышленной революции западные верхи в плане организационном, научно-техническом и культурно-образовательном были сложнее низов и “мидлов” – это обеспечивалось научно-техническим, промышленно-экономическим прогрессом, который в то же время постоянно повышал социальный и образовательный уровень сложности общества. В какой-то момент этот уровень стал угрожать позициям верхов, и они сознательно пошли на его снижение. Ощущая опасность для себя в дальнейшем прогрессе, они сделали ставку на деградацию основной массы населения. Чтобы относительно тупой мог управлять, управляемые должны быть ещё тупее – схема “тупой и ещё тупее”.

Эта схема сегодня реализуется в большей части мира, именно этим обусловлено разрушение образования, выхолащивание из него творческого элемента, подмена творчества дрессурой (система тестов). Именно это происходит и в РФ. О том, что население должно быть необразованным, иначе им нельзя управлять, нельзя манипулировать, открыто заявил несколько лет назад на Петербургском экономическом форуме Г. Греф. И действительно, если ты сам тупой, то в качестве управляемых тебе нужны ещё тупее. Греф не понял, что своим тезисом он фактически признал тупость – свою и слоя, к которому принадлежит.

Цифровизация призвана решить, как минимум, три задачи:

1) окончательно сформировать систему тотального контроля над населением;

2) сформировать слои новых бедных (“рабы Цифры”) и новых богатых (“господа Цифры”);

3) окончательно разрушить систему образования. “Алхимики” Цифры торопятся, поскольку кризис может сорвать все их планы, особенно в России. Но, похоже, времени им не хватит – не успеют.

За несколько лет до Грефа другой “герой” наших дней А. Фурсенко заявил, что пороком советской школы было стремление воспитать творца, тогда как задача постсоветской (читай: антисоветской) школы – воспитать квалифицированного потребителя, способного пользоваться тем, что создают другие. Фурсенко сам не понял, что сказал. По сути, он зафиксировал тот факт, что в РФ сознательно не воспитывают созидателей, что это в принципе несозидательная структура; во-вторых, что РФовский потребитель, пользуясь тем, что создаёт заграничный созидатель, зависит от него.

А если забугорный созидатель не захочет удовлетворять потребности российского потребителя и начнёт шантажировать его? Что делать? Сосать лапу – сам-то только потреблять умеет. И куда деваться этому тридцатому царству потребления? По сути, Фурсенко выдал главную тайну правящего слоя РФ: ориентация не на созидание, а на потребление, на зависимость от забугорных созидателей. Впрочем, ничего другого у компрадорско-олигархического строя и быть не может. И неслучайно в народе появился термин “илитка”: зависимые потребители, выменивающие “золото” и нефть на “стеклянные бусы” и яхты, на элиту не тянут.

Что ещё хуже для “илитки”, подход Фурсенко, по сути, создаёт *могильщик режим*. Если главное – не творчество, не идеальные побуждения (сюда

входит реальный патриотизм — любовь к Родине, а не к власти), а потребление, то ты, дружок, должен это потребление как главное в жизни обеспечить. Обеспечивается это социальными лифтами. А если такие лифты не работают, если ты не можешь обеспечить уровень потребления, который демонстрируется с экрана, то адепт потребления развернётся в сторону того, кто это потребление обеспечит или пообещает обеспечить, показав красивую обёртку, как мы это видели несколько лет назад на Украине (“хочу кружевные трусики и в Европу!”), а сегодня — в Белоруссии: кольцо сжимается. И отдельное “спасибо” за это воспитателям “квалифицированных потребителей”.

Ясно, что упор на потребление — это дополнительный удар по образованию, как и цифровизация последнего. Потреблятское образование в такой же степени есть продукт “аристократии помойки”, как и средство её создания. Как пел Михаил Иванович Ножкин, “опять наверх попёрла лабуда”.

— Какую роль в современных мировых процессах играют российские элитарии? Корректно ли говорить об их наличии, или речь идёт о людях, выполняющих команды зарубежных кукловодов?

— В самом конце 1980-х годов часть советской номенклатуры, КГБ и курируемые ими теневики с помощью определённых кругов Запада разрушили СССР. 1991 год подвёл лишь формальную черту, реальная окончательная сдача системы и страны произошла 2-3 декабря 1989 года на Мальте. А вскоре наступили “времена загогулины”: русская история издала неприличный звук, и из неё вывалилась ельцинщина. Ельцинщина — это процесс встраивания РФ как самого крупного обломка СССР в мировую капсистему на условиях хозяев последней и под руководством этих хозяев. Достаточно вспомнить, кто и как варганил под американскую диктовку ельцинскую конституцию, вспомнить ЦРУшных советников “младореформаторов” или почитать рассекреченные американцами в 2018 году секретные переговоры и телефонные разговоры Клинтона и Ельцина — белый хозяин, master, общается с колониальным князьком-попрошайкой, который, набивая себе цену, время от времени хорохорится и пыжится.

В 1990-е годы постсоветская верхушка провела деиндустриализацию страны, превратила её в сырьевой придаток Запада, организовала погром социальной сферы; де-факто идеологией стал антисоветизм. Компрадоры “тушкой и чучелом” интегрировались в “западный мир” — там деньги, недвижимость, яхты, жёны/любовницы, дети. Короче говоря — всё для жизни; РФ же для них — не более чем поле для охоты (в экономическом смысле), как это признал сам Ходорковский, вовсе не страдающий избытком совестливости.

Затем, уже в “нулевые” годы в постсоветской верхушке оформились две группы, которые можно условно назвать “приказчиками” и “контролёрами”. Непроходимой стены между ними нет: и те, и другие — сторонники неолиберальных экономических реформ, демонтажа социального государства и “встраивания в Запад”. Различия — в отношении к скорости процессов и к условиям встраивания. “Приказчики” готовы сходу и без сожаления (“денег нет, но вы держитесь”) снести социальное государство, и только страх сдерживает их. “Контролёры” предпочитают “варить лягушку медленно” (почему — чуть ниже). “Приказчики” готовы сдать Западу ресурсы и то, что осталось от суверенитета, хоть сейчас и почти на любых условиях — роль Плохиса их не пугает. Они не понимают, что в случае прихода транснационалов их, бездарей, вышвырнут, а их место займут совсем другие: менее вороватые, более дисциплинированные и эффективные хищники, с молодых ногтей прошедшие школу подчинения “железной пяте”. “Контролёры” хотели бы войти в “цивилизованный мир” (Запад для них — цивилизация, они не понимают, что никакого Запада уже нет, есть пост-Запад, а его “цивилизация” — это Поле чудес в Стране дураков: “несите ваши денежки”) в качестве младших партнёров, причём не только в РФ, но и желательно на всём постсоветском пространстве на некоторых своих условиях (“медведь свою тайгу не отдаст”). Однако охотники на крупную дичь у медведя ничего спрашивать не собираются, он их безумно раздражает, и они уже начали травлю — готовятся загнать.

У “приказчиков” и “контролёров” есть важное сходство: и у тех, и у других нет ни проекта, ни образа будущего. Создаётся впечатление, что не только в их планах, но в их видении вообще нет будущего. Можно сколько угодно штамповать прожекты “2030”, “2040”, “2050” — ad infinitum, но если систематически

рушить то, что создаёт это будущее — образование и науку, — и готовит его агентов, то о чём можно говорить?

Если позиция “приказчиков” внутренне непротиворечива, то в таковой “контролёров” — серьёзное противоречие. В противостоянии с “хозяевами Истории” и их обслугой “контролёры” должны хоть как-то опираться на поддержку населения, демонстрировать хотя бы показной патриотизм и снижать накал антисоветизма. Но как обеспечить такую поддержку при проведении непопулярных экономических, социальных и политических реформ? Как это сделать, руша здравоохранение, образование и науку, блокируя социальные лифты? Значит, надо притормаживать, устраивать “игры патриотов”, отсюда — медленная “варка лягушки”.

Однако это лишь оттягивает финал и жестокую необходимость отвечать на вопросы: с кем вы, мастера власти? Кто с тобой работает? Чья Россия?

Отвечать! В глаза смотреть!

И последнее. Никуда не девается проблема соотношения сложности социума и власти, оставшаяся в наследство от позднего СССР и за 30 лет ещё более усугубившаяся и обострившаяся. Проблема стихийного стремления социума к более сложной по сравнению с ним власти, запрос на неё — это вопрос безопасности и развития. И если окажется, что эту сложность продемонстрирует внешняя по отношению к стране сила, манящая к тому же “раем потребления”, то разворот в её сторону части общества, особенно молодой, весьма вероятен, особенно если учесть ту свободу действий, которой пользуются “пятая колонна” и лица с не только нашим гражданством. Результат мы уже видели на Украине.

За 30 постсоветских лет выросло молодое поколение, которое не помнит 1990-е, не представляет, что пришло с разрушением СССР. Часть этого поколения, хотя далеко не все, как и часть молодёжи 1980-х, прозревшая только в кошмарные девяностые, повёрнуты на Запад (комфорт, сменяемость власти, жизнь по приколу, главное — бабло). Контролируемые олигархами СМИ (а точнее — СМРАД: средства массовой рекламы, агитации и дезинформации) работают на эту повёрнутость. Нынешние белорусские события — это урок “старшему брату”, — а, возможно, воспоминания о его будущем. Это потом придёт осознание обмана и собственной глупости — потом, когда изменить и исправить что-либо будет уже невозможно.

— **Судя по событиям на Украине и в Беларуси, “контролёры” досрочно сдают позиции “приказчикам”...**

— Ну, на Украине “контролёров” с самого начала не было — там исходно были не “приказчики” даже, а полиция, ждавшие возвращения начищенного сапога, чтобы его лизать — под сало и горилку. Беларусь — совсем другое дело. “Контролёр” Лукашенко оказался в сложном положении, наделал ошибок. Так и хочется спросить: “Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи”, которых ты пытался ублажать последние годы? Хочу надеяться, что Беларусь устоит и не свалится в воссоздаваемую в качестве плацдарма и ударной силы против России новую, “люблинскую” Речь Посполиту, которая постарается взять реванш у России и за XVII, и за XVIII, и за XIX, и за XX века — за четыреста лет поражений, переиграв результат “спора славян между собою”. Не надо иллюзий: в перспективе эта новая Речь Посполита станет одним из антироссийских фронтов, который сомкнётся с планируемым, прежде всего, британцами турецко-кавказским фронтом. Обратите внимание: недавно назначенный новый глава британской МИ-6 Р. Мур работал в Турции и Азербайджане, тесно общался с Эрдоганом. Если вспомнить, что нынешний директор ЦРУ Дж. Хаскел тоже работала в Турции, а в Баку руководила станцией (то есть опорным пунктом) ЦРУ; оба говорят по-турецки, а Мур к тому же в приятельских отношениях с Эрдоганом, — то вырисовывается интересная линия. Вспомним, когда англосаксы планировали удар по СССР через Польшу, папой Иоанном Павлом II стал поляк Войтыла — антисоветчик и русофоб, а такой же антисоветчик и русофоб Зб. Бжезинский стал советником по национальной безопасности президента Дж. Картера. И неважно, что Буш-старший называл его деревенщиной, важно, что он был поляк.

Когда англо-американцы спланировали окончательное решение сербского вопроса (“косовский вариант”), на должности директора ЦРУ появился сын выходца из Южной Албании Дж. Тенет, а одновременно в Европе активизировалась албанская мафия.

Подобные этнические или профессионально-ориентированные назначения указывают главные направления ударов. Назначения Хаскел и Мура свидетельствуют о том, что англосаксы активизируют свою деятельность в Турции и через Турцию. Я согласен с теми, кто считает, что МИ-6 в связке с Турцией постарается поджечь дугу от Крыма через Азербайджан и Кавказ к Средней Азии. Новая Речь Посполита – бесспорный кандидат в союзники рвущейся к неоосманизму эрдогановской Турции.

– **От чего зависит развитие событий в этом, да и в других направлениях?**

– Многое зависит от исхода американских выборов. Если победит Трамп – враг демократов в США и мировых ультраглобалистов, “контролёры” получат пространство для вдоха, хотя лёгкой жизни у них не будет. А вот если победит Байден с Камалой Харрис в качестве вице-президента и, вполне вероятно, будущего президента (кстати, она тесно связана с малоизвестным у нас “чёрным масономством”, которое, в отличие от оскотеневшего европейского, весьма активно), то здесь “контролёрам” конец по-любому: либо капитуляция с неясным финалом, либо превращение из “контролёров” в реальные лидеры своего народа; в связи с этим вспоминаю фильм с названиями серий “Эрнст Тельман – сын своего класса” и “Эрнст Тельман – вождь своего класса” и строки Высоцкого “И попробуй на вкус настоящей борьбы”. Дело, однако, в том, что разборки в кабинетах такой вкус не вырабатывают.

– **Возможен ли реванш “контролёров” в рамках какого-нибудь клуба развивающихся стран вроде БРИКС?**

– Начать с того, что БРИКС – это вовсе не альтернатива “англосаксонскому капитализму” и его глобализации. Во-первых, все “бриксы” стремятся занять в глобальном мире место получше того, что они занимают сейчас, а не изменить этот мир. Во-вторых, они конкурируют друг с другом за это место. В-третьих, связи стран БРИКС с США, ЕС и Японией намного более плотны и тесны, чем между собой. Четвёртое – и главное: БРИКС – это один из запасных глобальных проектов пост-Запада, дополнительная подпорка буржуинам ядра, позволяющая выиграть время и обеспечить себе выгодные позиции в посткапиталистическом мире – в том числе за счёт “бриксов”. Так что BRICS (brick – кирпич) – это кирпичи незападных элит в стену, поддерживающую пост-Запад, капитализм и глобализацию, а не “булыжник” угнетённых Юга против Севера. Не случайно конференции БРИКС нередко проходят в Вашингтоне, а с МВФ страны БРИКС постоянно консультируются. К тому же в посткапиталистическом мире уже не будет ни “контролёров”, ни “приказчиков” – если этот мир состоится, там будут совсем другие игроки и роли.

– **А что же будет?**

– Игра по новым правилам. Но до посткапиталистического мира надо ещё дожить. Победа Байдена – условной “Бастинды” (злая волшебница из Фиолетовой страны Мигунов), скорее всего, довольно быстро приведёт к мировому кризису и большой крови. Победа Трампа может притормозить скольжение капитализма в пропасть на несколько десятилетий. В любом случае капитализм вступил в режим с обострением, что означает: войны, техногенные катастрофы, эпидемии, неконтролируемый наплыв мигрантов, рост криминала, появление белых персонажей, готовых полностью уничтожить западный мир (высокотехнологичная версия барона Унгерна фон Штернберга, ответом на которую может стать технофашизм пост-Запада).

С исчерпанием потенциала сложности на глобальном и государственном уровнях мир неизбежно откатится в неоварварство, в неоархаику, в новые “тёмные века” – не путать со Средними веками. Вопрос лишь в скорости и глубине отката.

– **“Тёмные века” – это...?**

– “Темновековье” – это, прежде всего, период с середины VI века н. э. по середину IX века н. э., то есть от того момента, когда рухнула техноинфраструктура Древнего Рима, и до распада последней аватары Римской империи – державы Карла Великого. Но это не единственные “тёмные века”. “Темновековьем” были триста лет между XII и IX веками до н. э., а также – не удивляйтесь – три сотни лет между началом эпидемии чумы (“чёрной смерти”) в Европе и окончанием европейского кошмара Тридцатилетней войны, условно – период между 1348 и 1648 годами. Мы привыкли смотреть на этот период как на эпоху Ренессанса, зарю Модерна, генезиса капитализма. Всё

это, однако, клише и, как многие клише, – фальшивка. У времени Ренессанса была жуткая обратная сторона (об этом времени см. книгу А. Ли “Ужасный Ренессанс” и фильм П. Верховена “Плоть и кровь”); у Реформации – специфические оккультные корни (читай работы малоизвестного у нас Й. П. Кулиану и практически не известного А. Паскаля); генезис капитализма мэтр французской исторической школы “Анналов” Ф. Бродель назвал “социальным адом”.

“Тёмные века”, рождающиеся каждый раз, когда гибнет старая система и на её руинах и костях начинается медленно формироваться новая, – это действительно время социального ада. К нему нужно быть готовыми. Пока что мы ещё в предбаннике ада, и есть время подготовиться, чтобы не попасть в котёл или на сковороду к чертям, а засунуть туда врага. Но для подготовки нужно время. В США Трамп и пытается выторговать у Истории лишние десятилетия. Нам тоже нужен такой торг.

Хозяева капсистемы, понимая “неизбежность странного мира” посткапиталистического “темновековья”, будут пытаться создавать новые формы контроля над населением, чтобы, превратившись из хозяев капсистемы в хозяев нового, более сурового и жестокого мира, сохранить власть и привилегии. Судя по всему, они двинутся по пути создания закрытых как в пространственном, так и в социальном плане систем. Проблема, однако, в том, что в закрытых системах возрастает энтропия, то есть, проще говоря, они деградируют.

В связи с этим главной проблемой для таких систем становится вливание свежей крови – физической и интеллектуальной, “алхимия крови”. Причём физическая не менее важна, чем интеллектуальная: “физику” в армиях и спорте пост-Запада всё больше обеспечивают не белые. А ведь грядущий мир и в климатическом плане предъявит жёсткие требования: пока нас пытаются дурить “глобальным потеплением”, постепенно, как утверждают серьёзные специалисты, надвигается новый ледниковый период вкупе с 25-м солнечным циклом (похож на 23-й, когда в Европе XVI – начала XIX веков наступил малый ледниковый период); “длинное лето”, начавшееся 10–12 тысяч лет назад и обусловившее неолитическую революцию и реальное рождение нынешней земной цивилизации, заканчивается; мы и так живём уже несколько столетий “в долг”. Так что элита “темновековья” должна быть и физически адекватной – требование всех “темновековых” эпох. Кстати, в решении “крово-алхимической задачи” весьма преуспели именно закрытые общества, которые постоянно вели “незримую войну за тех, в ком течёт хоть малая толика крови, способной породить достойных Посвящения. Об этой войне мало кто знает, и меньше всего те, кто стал объектом охоты” (О. Маркеев – рекомендую всем романы этого автора).

Необходимость активизации такой “охоты” для дальнейшего существования “хозяев Истории” диктуется явной деградацией значительной части элиты пост-Запада, проседанием её интеллектуально-волевой планки. Персонажей типа Клинтона, Буша-младшего, Меркель, Саркози, Макрона, Б. Джонсона и др. просто невозможно представить наверху административно-управленческой пирамиды Запада 1950–1980-х годов. Налицо явная деградация.

Впрочем, постзападное общество и в целом демонстрирует именно её. Плюс слабую волю к жизни. Наглядный пример – поведение немецких мужчин во время рождественских гуляний в Кёльне в ночь на 1 января 2016 года. Когда немки стали жертвами нападений на сексуальной почве и грабежей со стороны мигрантов с Ближнего Востока, немецкие мужчины, вместо того чтобы лично расправиться с обидчиками, начали звонить в полицию, а через какое-то время вышли на демонстрацию в юбках, чтобы продемонстрировать солидарность с женщинами, так сказать: “Мы все – женщины” (типа “Мы все – Шарли Эбдо”). Вместо того чтобы несколькими днями раньше показать наглым чужакам: “Мы – мужики”. Неспособность самцов защитить самок и детёнышей – один из показателей видового (в данном случае – социально-видового) вырождения. И уж точно здесь нужна либо “алхимия крови”, либо политический режим с мощной социальной педагогией.

Хмурое утро нового мира – не повод опускать руки. Испытания следует встречать “в лоб”, уже сегодня начиная структурировать будущее. Как? В частности, формируя социальные платформы в качестве каркаса выживания и сохранения достижений цивилизации и защиты от чужаков в условиях “темновековья”. На государство и чиновников в условиях кризиса и тем более катастрофы рассчитывать не стоит – они будут спасать только себя. В “тёмные

века”, наступившие после крушения античной цивилизации, такими социальными платформами были монастыри, и они свою историческую функцию выполнили. В любом случае средства решения проблем “транзита” могут быть только коллективными. Прав был Бродель: в одиночку из социального ада вырваться невозможно.

— **А возможен нелокальный коллективный способ рывка через (или сквозь) “темновековье”?**

— Могут назваться два примера. Один литературный, один реальный. В цикле романов А. Азимова “Академия” (Foundation) разворачивается следующий сюжет. К императору процветающей галактической империи далёкого будущего приходит математик Селден и объясняет, что через 10–15 лет империя рухнет и наступят 30 тысяч лет мрака и хаоса. На вопрос императора, можно ли избежать краха, Селден отвечает отрицательно, но при этом говорит, что 30 тысяч лет хаоса можно ужать до одной тысячи, если последовать разработанному им плану. Согласно этому плану, создаются две “Академии” — по сути, научно-разведывательные корпорации, одна — открытая, другая — тайная. Их задача — используя психоментальное, психоисторическое воздействие, направлять ход развития общества и подвести его к созданию новой процветающей формы, что в конечном счёте и происходит, хотя и не без столкновения двух “академий”.

Книгу Азимова в США изучают в военных академиях. В СССР в 1970-е годы её начали печатать в журнале “Техника — молодёжи”, но внезапно оборвали публикацию: кто-то сверхдидельный решил, что это пособие по организации госпереворота.

Реальным коллективным выходом из кризиса на государственном уровне была реализация “красного проекта” в СССР в 1930-е годы, когда страна за 10 лет проскочила тот путь, который Запад прошёл за 100 лет. Этот рывок из социального ада (мировая война, гражданская война, нэп) носил на себе отпечаток этого ада и был достигнут ценой больших жертв и лишений. Однако именно он обеспечил победу в войне, то есть физическое и метафизическое сохранение русских в Истории.

— **В прошлом интервью “Культуре” Вы обозначили иной способ выживания — перестать быть дичью и стать охотником. Для этого нам необходима сырьевая база, оригинальная пищевая ниша, сумма навыков и инстинктов, эффективная стайная (социальная) структура... Каковы параметры, цели и перспективы русского охотничьего подвида, хозяйства, ареала?**

— К перечисленному вами необходимо добавить высокотехнологичную экономику, мощные армию и флот, сильные спецслужбы (а не коммерческие структуры силового профиля), мощный научно-технический комплекс, высококоразвитое обществоведение, способное стать не только средством познания, но и разящим оружием в психоисторической войне.

Компрадорско-олигархический строй ничего этого обеспечить в принципе не способен: “Рождённый ползать — летать не может!” Рывок сквозь “темновековье” — это полёт над исторической пропастью. Здесь нужны ум и воля, а у компрадорско-олигархических режимов с этим весьма неважно — и цифровизация не поможет.

На ближайшие 15–30 лет такой рывок/полёт может обеспечить только левый проект. Причём реализация этого проекта — это лишь первый шаг. Как говорил толкиновский Гэндальф (Толкин вложил в его уста цитату из шекспировской пьесы “Макбет”): If we fail, we fall; if we succeed, we will face another task (“Если мы проиграем, мы погибнем; если победим — столкнёмся с новой задачей”). Я отвожу левому проекту инструментальную роль. В данном случае это не проект будущего общества, а средство преодоления кризиса, выживания в социальном аду.

Ясно, что это не может быть повторением советского опыта — в истории ничего нельзя ни повторить, ни реставрировать. Но можно адаптировать организационные технологии к новым условиям: старые ключи отпирают новые замки (и наоборот). Советский социализм как системный антикапитализм был порождён капитализмом как его отрицание, негатив, как левый (якобинский) проект Модерна, реализованный на русской почве. Именно поэтому его можно и нужно попытаться использовать для защиты и продления того, что осталось от цивилизации Модерна в условиях надвигающегося неоварварства.

Но для этого нужна настоящая элита, обладающая волей, умом и прогностическими качествами, более сложная, чем управляемое ею общество, и в то же время социокультурно отождествляющая себя с этим обществом, его народом и его ценностями. Только такая элита способна преодолеть барьеры бедности (ресурсами) и сложности. Создаётся впечатление, что сегодня, как и на закате самодержавия, ничего этого нет. Та же вялость (если не безволие), доходящая до отсутствия чувства самосохранения, то же отсутствие перспективного видения, то же преклонение перед врагом — Западом.

Сегодня в РФ мы наблюдаем не только колоссальный социально-экономический разрыв между верхами и низами, но и идейный. В то время как основная масса населения стихийно придерживается лево-консервативных установок, положительно относится к советскому прошлому и к Сталину, верхи остаются прозападно-либеральными; антисоветизм по-прежнему остаётся маркером принадлежности к верхнему слою, проигнорированному широко отмечавшееся во всём мире 200-летие со дня рождения К. Маркса, 150-летие со дня рождения Ленина, 100-летие Октябрьской революции — силён классовый страх! И хотя ныне антисоветизм не столь буйный, как в 1990-е, он сохраняется, проявляясь и в выступлениях руководителей, и в чернушных киноподелках. При этом система в идейно-пропагандистских целях активно пользуется советскими достижениями: победа в войне, освоение Севера, спутник, Гагарин. А ведь всё это — **советские социалистические** достижения. Коллективный Плохиш, пытающийся натянуть будёновку Кибальчиша и в то же время драпирующий Мавзолей — зрелище смешное и жалкое. “Илитка” воспринимает всё левое как опасность, тогда как реальная угроза, причём смертельная, подкрадывается совсем с другой стороны. Но “илитка” не понимает.

— **Жизнь научит!**

— Хотелось бы надеяться, но, боюсь, учиться некому и нечем. Да и времени на учёбу почти не остаётся. До точки невозврата — в лучшем случае несколько лет, а то и меньше. События в Белоруссии показывают, что гнойник зреет долго, но прорывается неожиданно и моментально. А работает на это как раз прозападная часть властвующей элиты, которая головой главного начальника хочет купить благосклонность буржуинов. А всё почему? Потому что, во-первых, не стоит пытаться сидеть на нескольких стульях; во-вторых, надо смотреть, что реально происходит в обществе, — без серьёзных внутренних предпосылок никакая местная прозападная и тем более западная сволочь не заведёт народ на бунт.

Сегодня три фактора могут (теоретически) сдвинуть режим влево. Во-первых, массовые протесты населения, начавшиеся в Хабаровске, Башкирии и других местах. Во-вторых, белорусский пример, который демонстрирует:

а) что может случиться с властью, если она не реагирует вовремя и адекватно;

б) как пост-Запад может это использовать;

в) нарастающее давление пост-Запада на РФ и её руководство.

Сталин перестал быть одним из интернационал-социалистов и вступил с ними в конфликт уже в качестве “импер-социалиста” не от хорошей жизни. Левизна нынешней власти тоже может возникнуть только не от хорошей жизни — когда “жареный петух клюнет” или закукарекает. Кстати, по славянскому календарю следующий, 2021 год — год Кричащего петуха (нынешний — Мизгиря: так на юге России называют тарантула, который хитро плетёт свою сеть и может очень больно ужалить). Как знать, может, этот петух прокричит так, что мировая нечисть, подобно той, что Гоголь описал в “Вие”, бросится после второго петушиного крика, “кто как попало в окна и двери, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах”. Впрочем, до американских выборов какие-либо подвижки вряд ли возможны, и это лишнее свидетельство специфики нашего суверенитета и позиций правящего слоя РФ в мире.

— **Простите, но СССР разрушился от того, что наше общество стало сложнее, чем доктринёрские шаблоны системы.**

— Это лишь один, так сказать, административно-кибернетический аспект проблемы, то есть технологический, он не имеет социально-экономического, классового качества. Но именно последнее определяет технологическое, а не наоборот. Разрушение СССР было:

во-первых, процессом и результатом легализации частью номенклатуры, КГБ и курируемыми ими теневиками теневых капиталов;

во-вторых, оттеснения КПСС от власти частью партноменклатуры же и КГБ;

в-третьих, сознательным уходом части партноменклатуры в тень на подготовленные позиции вместе с активами (материальными и нематериальными – информация, организация) в ситуации структурного кризиса, превращаемого в системный.

Неадекватность подсистемы управления сложности социальной системы очевидна, но она есть следствие социальной природы этой системы, действия её законов и сознательного отказа партноменклатуры в середине 1960-х годов – в её квазиклассовых интересах – от высокотехнологического рывка в будущее, приводящего в соответствие сложность управляющей подсистемы с управляемой. Было принято решение, консервирующее и усиливающее это несоответствие на пути интеграции в капсистему по линиям торговли нефтью, золотом и драгметаллами, участия в финансиализации капитализма. Этот ход вовне становился заменой внутреннего усложнения, реального развития, включением в более сложную систему, но эта система, будучи враждебной, сожрала СССР. Высшая и верхнесредняя партноменклатура наивно полагала, что если она представляет вторую сверхдержаву мира, способную ядерным оружием уничтожить первую, то западная элита посадит их за один стол с собой на равных. Какой наив! Не зря Эрнст Неизвестный называл эту публику теми, кто выбежал из деревни, но до города так и не добежал, и теми, кто отождествился несвойственной им пищей. Правильно Сталин предупреждал соратников, что после его смерти капиталисты обманут их, как котят. Впрочем, обмануть можно только того, кто *сам обманываться рад*. Надо давно уяснить: западная (пост-западная) элита скорее пустит в свой круг – и то не совсем на равных и не в первом поколении – арабов, индийцев, китайцев или японцев, но не русских. Русским это не светит. Отсюда императив: нужен свой цивилизационный проект – высокотехнологичный, мощный, динамичный, но свой.

– **И этот проект – левый.**

– Левый проект есть лишь инструментальное средство реализации цивилизационного проекта как цели.

– **Однако параметры нового левого проекта пока не ясны.**

– Это так. Но не ждите от меня конкретного ответа. Как говорил Герцен, мы не доктора, мы боль. Исследователь социальных процессов фиксирует боль (симптом) и ставит диагноз. Лечить, то есть решать, как идти стране, решать задачу выживания и победы должны те, в чьих руках власть. Однако для этого у них должны быть мозги, воля и чувство общности с управляемым ими населением. История показывает, что сохраняются и, тем более, побеждают, как правило, те государства, где власть предержавшие верхи разделяют ценности основной массы населения. Неслучайно, например, династии Меровингов и Каролингов во Франкском королевстве вышли из менее развитой в экономическом плане, чем другие, области – Австразии. Экономическая неразвитость означала меньшее социальное расслоение, а следовательно – бóльшую социальную сплочённость племенного союза, что становилось решающим фактором в борьбе за корону с претендентами из других областей. Лишь социально-национальное единство элиты, то есть власти, и народа обеспечивает победу: дом, разделившийся в самом себе, не устоит.

Сегодня речь идёт не о реставрации: СССР 2.0 едва ли возможен – нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Речь идёт о векторе развития страны, в основе которого – социальная справедливость и собственный цивилизационный код, собственная идентичность (кстати, русская идентичность вовсе не сводится к Православию и не ограничивается им – она и старше, и сложнее, но это отдельная тема). Повторюсь: левый проект сегодня – не панацея, не *светлое будущее*, а инструмент, средство отодвинуть кризис и собраться с силами. Напомню, что в кризисной ситуации начала XX века о революционном варианте как средстве выхода из кризиса писал не кто иной, как блестящий русский правоконсервативный мыслитель М. О. Меньшиков. В знаменитой статье о XIX веке Михаил Осипович писал, что либо в России произойдёт смена энергий (по цензурным соображениям, он не мог писать о революции), либо её ждёт судьба колониальной Индии. А в самом начале июля 1917 года

И. В. Сталин в обращении к рабочим Петрограда заявил, что либо в России будет советская республика (революция, левый проект), либо страна станет колонией Великобритании и США. Правый Меншиков и левый Сталин совпали. Получилось по Сталину, который однажды (правда, по другому поводу) заметил: пойдёшь налево – придёшь направо, пойдёшь направо – придёшь налево: диалектика. Оба оказались правы. 1917-й отодвинул 1991-й на 74 года. У февралистов, “временных”, которым История сказала: “Слазы!” – сорвалось то, что на рубеже 1980–1990-х провернули два самых гнусных предателя в русской истории – Горбачёв и Ельцин, а точнее, те силы, которые стояли за ними – у нас и за рубежом.

Горбачёв оказался “лучшим немцем XX века”.

“Пьяного кучера” Ельцина, заявившего в Конгрессе США: “Бог, благослови Америку!” – и заверившего присутствующих, что коммунизм в России никогда не возродится, можно считать “лучшим американцем XX века”.

Сегодня РФ стоит перед аналогичным выбором: либо посредством “смены энергий” она вернёт себе качество исторической России, либо превратится уже даже не в колонию, а в совокупность резерваций.

– У левых проектов есть встроенная опция – в них не формируется и не воспроизводится элита. Из-за догматической зауженности леваков она воспроизводится подпольно и разрушает систему.

– Это не так. Во-первых, именно сформировавшаяся в 1930-е годы сталинская элита уже к 1937 году превратила СССР во вторую державу мира (хотя ещё не сверхдержаву, но и Штаты, и Великобритания тоже сверхдержавами тогда не были), затем возглавила победу советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное становление и обеспечила превращение во вторую сверхдержаву мира. Мы до сих пор живём на сталинском фундаменте. Без него англосаксы размазали бы нас так же, как сербов или иракцев. Во-вторых, разрушение советской элиты произошло не из-за её догматической зашоренности, а скорее наоборот – из-за её отказа от идеалов коммунизма, в основе чего лежало превращение партноменклатуры в слой-для-себя, в квазикласс.

Речь идёт о том самом перерождении “советской бюрократии”, которое предсказывал Л. Троцкий. Сталин тоже прекрасно отдавал себе отчёт в этой опасности, сформулировав тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к конечной цели социализма. И ведь как в воду глядел: после прихода в страну в 1974–1975 годах незапланированных 170–180 млрд нефтяных долларов теневой экономика (часть средств были вложены именно в неё под кураторством КГБ) выросла как на дрожжах и стала наряду с “комсомольским бизнесом” (всё под тем же кураторством) “первичным бульоном” классовой трансформации строя.

– Что вы имеете в виду под “комсомольским бизнесом”?

– Это явление заслуживает отдельного разговора, но здесь за неимением места – несколько слов. Какое-то время назад в интернете появился великолепный материал С. Г. Покровского “Остановка научно-технической революции”. Там много интересного, выделю два сюжета: изменения в 1983–1984 годах в подходе комсомольских организаций к формированию руководства и специфика деятельности Центров научно-технического творчества молодёжи (ЦНТТМ). В 1983–1984 годах, пишет Покровский, было замечено, что в комсомольских организациях МФТИ (в других вузах ситуация развивалась аналогично) как-то неладно изменился кадровый отбор: на руководящие позиции вытягивались дельцы. Проверялись они по весьма специфическому принципу – готовности работать на грани криминала (поэтому буквально каждый сезон на предприятиях, где работали студенческие стройотряды, возникали уголовные дела о приписках и хищениях). Буквально через несколько лет этот тип комсомольских руководителей стали руководящими кадрами Центров НТТМ по всей стране.

– Каков был механизм работы этих центров?

– Сейчас о них почти забыли, а в канун перестройки и в её начале они играли большую роль, подготавливая почву для оформления слоя постсоветских банкиров – разумеется, процесс шёл под контролем партноменклатуры и КГБ. Центры НТТМ (у Покровского это описано подробно) получали от государства эксклюзивные права на обналичивание безналичных платежей, на конвертацию этих денег в валюту и на международную торговлю, причём

в обход внешнеторгового ведомства. При этом на заявленную в качестве основной научно-техническую деятельность тратился минимум, а основные суммы шли на экспортно-импортные операции. Вывозилась бытовая техника, ввозились компьютеры IBM, одежда. Компьютер обходился госпредприятию в 55 тысяч рублей; эти деньги конвертировались в 90 тысяч долларов, 2 тысячи долларов стоил компьютер за рубежом. Мало того, что госпредприятия вынуждены были покупать компьютеры по бешеным ценам, насыщение страны американскими компьютерами лишало перспектив советскую электронную отрасль, которая буквально дышала в спину американцам и, естественно, была нежелательным конкурентом. Здесь ЦНТТМ сработали на Штаты.

Научно-техническая тематика была всего лишь “акцией прикрытия”, “базовой операцией” было вложение наработанных капиталов в создание финансовых групп: “научно-технические комсомольцы” влезали в НИИ, а потом вышвыривали их вместе с людьми, оборудованием и наукой, оставляя себе финансы.

В канун и сразу после распада СССР руководство центров набирали кредитные деньги якобы на покупку оборудования, затем оборудование выбрасывали, а на деньги открывали банки. Это был один из путей возникновения постсоветского бизнеса. С. Г. Покровский называет роль центров НТТМ предательской. Но разве дело в них? Дело в тех, кто придумал всю эту операцию и руководил ею – в кураторах. А они сидели на Лубянке. Это известный факт, дополню его одной историей. В 1987 или 1988 году одной моей знакомой срочно понадобилось два компьютера. Узнав об этом, друг её семьи, генерал-майор КГБ дал ей адрес, куда поехать и купить по низкой цене искомое, и написал записку к хозяину “точки”. На вопрос, а если тот не захочет продать по такой цене, генерал, улыбнувшись, ответил, что “человек работает под нами и на нас, пусть только попробует”. Мою знакомую встретил скромный молодой человек в очках. “Миша”, – представился он и обеспечил всё, что нужно. Потом этот Миша возглавит крупнейшую компанию, попадёт в тюрьму, будет выпущен, пообещав не заниматься политической деятельностью и, конечно, слово своё не сдержит.

К 1984 году объём теневых капиталов почти сравнялся с бюджетом страны, и один умный человек из банковской сферы спрогнозировал, что в ближайшее время владельцы капиталов и их кураторы постараются легализовать свои средства и потребуют власти. Чем была перестройка? Под дурацкую улыбку Горбачёва и *бла-бла-бла* про демократию и гласность были легализованы капиталы, “всплыли” структуры глубинной власти, сформировавшиеся на чекистской основе в 1970-е годы, ушла в тень та часть партноменклатуры, которая была “в теме”.

В 1980-е, а скорее, раньше Запад подобрал ключи если не к управлению сознанием определённой части верхушки СССР, то к воздействию на него в определённом направлении. Что же касается властного аспекта, то в 1980-е годы поддержка со стороны Запада стала исключительно важным фактором внутренней клановой и фракционной борьбы в среде советских верхов (как в 1970-е – в борьбе различных групп диссидентов). Разрушение властно-экономического строя в 1987-1988 годах, помноженное на низкие психофизиологические (интеллектуально-волевые) качества большого числа лиц горбачёвского руководства, привело к перехвату Западом управления демонтажом СССР не позднее 1988 года. Не случайно Мадлен Олбрайт главной заслугой Буша-старшего называет “управление разрушением Советской империи”. Она, правда, “забыла” британский, израильский и некоторые иные факторы, но это другой вопрос. Здесь можно сказать, что социальное перерождение партноменклатуры имело (не могло не включать) психоисторический аспект.

Это перерождение, по крайней мере, на верхне-средних этажах власти, шло уже в 1960-е годы. 1989–1993 годы стали лишь финалом длительного процесса. Этот финал “кукловоды” выиграли почти всухую, убедив своих марионеток, так называемых демократов (среди них было немало не только стукачей и дельцов от диссиды, но и действительно честных, но наивных людей), что это они одержали победу над партократами и гэбистами, что именно они – победители тоталитаризма. На самом деле получилось почти так, как в рассказе Фредерика Пола “Туннель под миром” (те, кто читал, поймут, что я имею в виду). В 1992-1993 годах скрывавшиеся за ширмой ельцинского режима

и “младореформаторов” кукловоды по обе стороны границы уничтожили то, что имело, хотя и небольшие, но всё же шансы стать рынком, демократией и правовым государством. Это были последние гвозди в гроб не только левого проекта в России, но и цивилизации Модерна в её советском варианте. Неоварварство вошло в нашу жизнь внешне в виде несвятой троицы “Ельцин–Гайдар–Чубайс”. Ведь по сути, вся эта публика – варвары.

Возвращаясь к вопросу о роли и значении левого проекта в русской истории, отмечу, что в XX веке он решил три главные, судьбоносные для России, русских и других коренных народов нашей страны задачи:

- модернизация России, то есть то, на чём споткнулось самодержавие, при котором даже промышленный переворот так и не завершился (о чём красноречиво свидетельствует статистика);

- победа в Великой Отечественной войне, обеспечившая физическое и метафизическое сохранение русских в истории;

- превращение исторической России в виде СССР в сверхдержаву, в решающий фактор мировой истории, в авангард прогресса, чем дореволюционная Россия никогда не была.

Таким образом, помимо прочего, левый проект в России, как и осуществившие его ленинская партия нового типа (мощнейшее организационное оружие, изобретённое русскими, как и опричнина – “гиперолоид инженера Грозного”) и сталинская система – проверенное средство преодоления кризисов. Необходимо лишь адаптировать его к новым условиям. Реализация именно левого проекта большевиками, а затем сталинское “строительство социализма в одной, отдельно взятой стране” не позволило Советской России, в отличие от России позднесамодержавной, выглядеть, как еда. “Если ты выглядишь, как еда, – говорят американские морпехи, – тебя сожрут”.

Многие олигархи РФ, например, всё больше выглядят, как “еда”. В октябре 2012 года в Токио на встрече МВФ и Мирового банка Кристин Лагард, на которой пробы негде ставить (интересующихся отсылаю к зигзагам её карьеры), заявила, что одна из главных задач – подведение юридической и моральной базы под изъятие (читай: экспроприацию) “молодых денег” у корумпированных бизнесменов и связанных с ними чиновников. Среди таковых имелись в виду и российские. Кстати, по “бизнесменам” РФ юридическую базу сполна обеспечили Б. Березовский и Р. Абрамович, когда судились в Лондоне и рассказали много-много. Хотя многого мы до сих пор не знаем. Например, какая часть бывшей советской собственности продана западному капиталу – непосредственно и через подставных лиц. Мы до сих пор не знаем, какую часть бизнеса О. Дерипаски отжали американцы, зато мы точно знаем, что они получили в собственность крупнейший алюминиевый комбинат. По видимому, такое “светлое будущее” ждёт всех компрадоров-олигархов.

- **Для этого их и создавали в 1990-е годы.**

- Именно так, для черновой работы по разграблению страны, а сейчас глядят по головке и выставляют вон. Большие рыбы пожирают малых.

- **На смену обанкротившейся финансовой элите грядут создатели новых технологий?**

- История показывает, что изобретатели-инноваторы редко становятся новым правящим классом: они работают на деньги либо правительства, либо представителей господствующего класса, а потому зависимы от работодателя. Некоторая часть новаторов может влиться в господствующий класс, но во все не в верхний его сегмент. Далеко не всякое изобретение становится нововведением – для этого нужны соответствующие финансовые, социальные и культурно-психологические условия.

Относительно недавно появился термин “нетократия”, то есть слой, контролирующей социальные и информационные сети. Нас пытаются убедить, что это и есть те, кто сменит буржуазию в качестве господствующего слоя. Однако сетевики до сих пор встроены в позднекапиталистическое общество; они – обслуга капиталистов, их ВПК, их спецслужб.

- **Резюмируем... По-настоящему элитарным может стать у нас лишь левый проект, способный сплотить нацию, обеспечить её суверенитет, объединить отторгнутые территории и население, возродить индустрию и экономику, а самое главное – возродить культ бескорыстного творческого поиска. Но этот нью-социализм окончится крахом в том случае, если внутри него не будут возвращены новые, подлинно**

элитарные структуры, способные проводить системную экспансию России в мировом масштабе?

— Речь идёт не об экспансии, а о том, что проект, способный действительно поднять Россию с колен (а не быть игрой “шаг вперёд, два шага назад”, встал с колен — опять упал, и так до изнеможения), должен быть наднациональным. Не в том смысле, чтобы принести русских в жертву, как это делал русофобский режим интернационал-социалистов в 1920-е годы, наложив отпечаток на всю советскую историю и отрыгнувшись в 1990-е, а в том, что он должен решать не только наши проблемы, но общепланетарные — ни одна страна, ни один народ в условиях современного кризиса не решит проблемы в одиночку.

Кризис, в который погружается мир, не только чреват катастрофой, но и предоставляет определённые возможности для рывка тем, кто готов их использовать. Именно кризис 1929–1933 годов использовало советское руководство для превращения СССР во вторую державу мира и обеспечения к 1937 году военно-промышленной автаркии по отношению к капиталистической системе, мощно отметив 20-летие Октября. С какими результатами подходит РФ к тридцатилетию августа 1991-го? То-то. У советских вождей исторической России было несколько мощных козырей, которых нынешняя власть не только не имеет, но, похоже, иметь не хочет. Этими козырями были:

— наличие обращённого в будущее высоконравственного общественного проекта, базирующегося на социальной справедливости (основа — коммунистическая идеология);

— ощущение своего единства с народом (при всей жестокости режима);

— создание мощных научной и образовательной систем;

— чёткое понимание мирового расклада сил;

— особая психология победителей, помноженная на длительный опыт действия в опасной, непредсказуемой среде и принятия нестандартных решений (это вам не госсобственность разворовывать и не деньги “пилить”!).

Кто-то обязательно “булькнет”: а какой ценой? Вот только этого — не надо. Контрвопрос: какую цену РФ заплатила за 1990-е? Разрушение экономики, сравнимое по результатам с гитлеровским нашествием; сокращение населения, по сути — депопуляция, причём в условиях, не сравнимых по тяжести с СССР после погрома гражданской войны и гнили нэпа.

Подчеркну ещё раз: большевики победили в России и решили русские проблемы, перед которыми оказалось бессильно позднее самодержавие, благодаря универсалистскому проекту. СССР предложил альтернативный **мировой** проект. Отказ от этого проекта, обусловленный превращением номенклатуры в квазикласс и интеграцией её в капиталистическую, стоил СССР и системному антикапитализму жизни.

Кто-то скажет: на Западе активно продвигается проект технофашизма, а то, что мы видим в Китае, весьма смахивает на национал-социализм с ханьским лицом, и оба проекта сулят успех. У меня большие сомнения насчёт того, что эти проекты сулят успех. Что касается Китая, то чем больше его экономические успехи, тем острее социальные проблемы, которые грозят расколоть и верхушку, и страну. О том, что Китай — не страна инноваторов, а его успехи обусловлены встраиванием в нижние этажи мирового разделения труда, я уже не говорю.

Вопрос с технофашизмом сложнее. По этому пути стремительно двигался Третий рейх. Технофашизм — это “бархатный” Мордор. У него есть уязвимое место: чем высокотехнологичнее социум, тем больше возможностей у небольшой группы “умников” парализовать систему управления им (small is powerful) и, кинув клич “сарынь на кичку”, бросить “внешний пролетариат” (А. Тойнби) на захват и разграбление высокотехнологичного мира анклавов. Понятно, что “умники” постараются занять место прежних хозяев, и очень возможно, что им это удастся. А дальше — по Ибн Хальдуну, который давал следующую схему арабской истории: из пустыни приходят бедуины, вырезают зажавшуюся верхушку цветущего города и основывают новую династию. Это первое поколение. Второе расширяет территорию (экспансия) и консолидирует власть. Третье поколение — мирное, оно поощряет развитие искусства, наук, культуры в целом, но при этом размякает. Четвёртое поколение погружается в разврат, пьянство, увеселения; деградируя, оно слабеет, и тогда из пустыни приходит очередная волна бедных и суровых бедуинов, режет зажавшихся, и цикл начинается снова.

Технофашизм – это замкнутый круг, левый проект – спираль. Однако РФ в её нынешнем виде предложить миру его не может. Она вообще едва ли что-то стоящее может предложить, в лучшем случае – упереться в защите традиционных европейских ценностей как от пост-Запада, так и от Востока (по поводу последнего тоже не нужно иллюзий). Это немало, однако защита, оборонительная стратегия далеко не всегда ведёт к победам; впрочем, иногда победителем оказывается тот, кто падает последним на поверженного врага и, придавив его, лишает последнего дыхания. И всё же предпочтительнее наступательная стратегия. У компрадорско-олигархического режима таковой быть не может – только имитация её. Будучи **зависимым** сырьевым элементом капсистемы, что может он предложить? Коррупцированную власть, запредельное социальное неравенство, отставшую деиндустриализированную экономику, отворачивающуюся от собственного народа и его ценностей бездарную “илитку” – “аристократию помойки”, которая и может существовать только за счёт помойки, сырьевого сталкерства на заброшенных территориях с последующей перепродажей артефактов в “цивилизованный мир”? Маловероятно не только для рывка в будущее, но даже для обеспечения безопасного существования детей и внуков – наворованное безопасности не гарантирует. Судьбы Остапа Бендера на румынской границе и Бориса Березовского в Лондоне свидетельствуют об этом со стеклянной ясностью. Да и противостоять – реально противостоять – “хозяевам Истории” ни один компрадорско-олигархический режим не может. Как заметил в блестящем романе “Новый вор” Ю. Козлов, капфеду (капиталистическому феодализму – так он называет компрадорско-олигархический строй) не тягаться даже с проседающим пост-Западом: “У тридцатилетнего воровского капитализма нет шансов против бромированного шестисотлетнего западного, как у щурёнка против крокодила”.

– **И что же можно противопоставить “крокодилу”?**

– Логически оружием в борьбе на мировой арене для верхов РФ, да и для верхов других стран, не находящихся “под знаком” Матрицы пост-Запада, кажется государство – сильное социальное государство, Система с цельной и продуманной внутренней и внешней политикой. Но именно здесь постсоветские верхи сталкиваются с серьёзнейшей и едва ли разрешимой для них в их нынешнем состоянии проблемой. Суть в том, что РФ, как и многие геополитические сущности нынешнего мира, не является, по крайней мере полностью, ни системой, ни государством, ни – тем более – социальным государством. Система – это совокупность элементов, связанных определённым образом в пространстве и времени и включённых в более крупную систему. При этом, несмотря на влияние этой более крупной системы, решающую роль в развитии системы меньшей играют ей внутренние связи, внутренние факторы. Если же дело обстоит наоборот или даже если внутренние и внешние факторы уравновешены, то мы имеем дело не с системой, а с образованием, с неким устройством, строем. Трудно сказать, кто в нынешней Большой системе “Мир” – система. США? Пожалуй, да – с большим числом оговорок. Китай? С ещё большим числом оговорок. Евросоюз? Нет. И едва ли РФ с её полукOLONиальной (в лучшем случае) экономикой и прикормленной пост-Западом “илиткой”. Не система – образование...

Вряд ли кто-то возьмётся всерьёз доказывать то, что РФ – **социальное** государство. Это при таком-то разрыве между богатыми и бедными? Это после продавленной пенсионной реформы? Здесь всё ясно. Более интересен вопрос: является ли РФ (как и большинство геополитических сущностей нынешнего мира) государством в строгом научном смысле этого термина и если нет, то что это?

– **Неожиданная постановка вопроса.**

– Что мы видим во всамделишной реальности нашей страны? Мы видим сеть корпораций кланового типа, то есть построенных по клановому принципу, – госкорпораций, силовых структур, обычных корпораций, организованностей национальных меньшинств (этнокорпораций), криминальных кланов. Те, что именуют государством, выступают здесь не только и даже не столько в качестве отдельной целостности, сколько модератора, формы организации этих различных негосударственных (постгосударственных) структур, норма жизни которых – комбинация легальной и внезаконной деятельности внутри страны и за её пределами. Отчасти таким модератором и формо-ширмой (ширмо-формой) был позднесоветский Центроверх в лице ЦК КПСС (тоже,

кстати, негосударственная форма, но, безусловно, система, а не образование); во многом таким было так называемое “феодалное государство”. Насилие вовсе не было его главной функцией — оно и так было встроено во внеэкономические производственные отношения. Главной функцией было обеспечение корпоративно-иерархической формы внутренней организации господствующего слоя.

Я ни в коем случае не рассматриваю нынешнюю власть РФ как феодальную, как возрождение феодализма. Феодализм — доиндустриальное общество. РФ, хотя и деиндустриализирующееся образование, всё же из стадияльно иной “лиги”. Кроме того, феодализм был системой правовой (“на праве земля строится” — один из принципов феодализма) и индивидуализированной (“вассал моего вассала — не мой вассал”). У нас же — иерархия не индивидов, как в западноевропейском феодализме (впрочем, много и не было), а коллективностей в виде кланокорпораций (о праве я умолчу). Это в большей степени напоминает “Договорную цепь” ирокезов в XVII века — иерархию кланов и племён, различавшихся уровнем допуска к естественным ресурсам, подконтрольному объёму последних. Ещё одно сходство заключается в том, что над “Договорной цепью” восседали англосаксы (тогда — ещё англичане, американцев не было), а вожди племён и главы кланов продавали им землю — за бусы, одеяла, “огненную воду”. Сегодня земля, недра остаются в цене, вот только меняют их на яхты, зарубежную недвижимость и т. п. Разумеется, почти все исторические аналогии носят внешний характер, но порой эта “внешность” столь узнаваема... Ну, и нужно помнить, чем ирокезы закончили.

То, что мы именуем государством в современном мире, включая РФ, — это в значительной степени оболочка, покрывало сети кланокорпораций, решающих свои сугубо экономические задачи — “государство” в эту сферу вмешивается мало, эта сфера существует как бы отдельно (порождая наивные требования привести в соответствие “экономику” и “внешнюю политику”) и управляется совсем иным блоком, чем остальное, а точнее, остаточное государство, — блок этот ориентирован не внутрь страны, а за её пределы, он обслуживает внешние интересы. Экономическая роль “государства” здесь сводится к обеспечению такого минимума существования (выживания), который гарантирует отсутствие протестов — вот и вся “государственная экономика” и одновременно вся “социальность государства”.

Далее. Нынешняя страновая сеть корпораций различного типа — элемент мировой сети, причём различные её “узлы” связаны (в качестве зависимого элемента) с более крупными “узлами” на мировом уровне. При этом меньшие (“страновые”) узлы-кланокорпорации выступают в качестве средства передаточного звена, инструмента эксплуатации крупными узлами сети в целом и её “туземцев”. В зависимости от того, под каким углом мы смотрим на многомерную сеть, а также на какую её часть, мы будем видеть разную картину, качественная суть которой, однако, не меняется с изменением уровня (мир-страна-кланокорпорация): внизу то же, что вверху — по Гермесу Тристегисту. Примерно так, как на картине М. Эшера “Относительность”.

— И как это влияет на внешнюю политику?

— У внешней оболочки кланокорпорационной сети под названием “государство” едва ли может быть сколько-нибудь цельная непротиворечивая долгосрочная внешняя политика: интересы узлов сети противоречат друг другу, а сами они не формируют единое целое; к тому же, они включены в качестве зависимого элемента в крупные иерархии. Какая в такой ситуации внешняя политика? Чаще всего — рефлексивные спорадические действия, краткосрочная реакция по продвижению бизнес-интересов той или иной кланокорпорации: имитация внешней политики соразмерна имитации социального государства. Поэтому, когда говорят о провалах внешней политики, например, РФ, о том, что постоянно допускаются одни и те же ошибки — потеря Центральной Азии, Армении, Украины, открытая ситуация с Беларусью, — это неверная постановка вопроса. Это не провал. Это провал, если смотреть с государственной точки зрения; а с кланокорпорационной, где главное — прибыль, гешефт, геополитические издержки (“провал”) — это то, чем можно пренебречь. Внешние политические провалы государства-скорлупы — это бизнес-победы продающих его внутренности кланокорпораций. Аналогичным образом обстоит дело с коррупцией в силовых структурах. Не так давно генерал А. Михайлов говорил о неких фактах, позорящих спецслужбы. Это так, если подходить

к ним как к государственным структурам. А если смотреть на них как на коммерческие структуры (кланокорпорации) силового профиля, то это не позор, а бизнес.

Впрочем, в случае РФ есть нюанс: нет-нет, да и пробьётся нечто, похожее на цельно-государственное действие во внешней политике. Но происходит это вопреки природе сети и специфике её “геополитического облачения”, а именно благодаря нескольким факторам. Во-первых, это наличие ядерного оружия — наследия Сталина и Берии. Во-вторых, это многовековая традиция имперской государственности, военно-государственнические традиции русских. В-третьих, это наследие социализма как мировой системы с СССР в качестве ядра. Наконец, в-четвёртых, как это ни парадоксально, это преимущество цивилизации, сохраняющейся, несмотря на продолжающиеся усилия оптимизаторов, над варварством — как внутрироссийским, криминально-капиталистическом по происхождению, так и тем, что сформировалась на постсоветском пространстве по периметру границ РФ.

Наличие всех этих материальных и организационно-исторических активов в руках руководства страны не может не служить государственным контрбалансом негосударственности кланокорпораций (и их сети), особенно в условиях давления на них пост-Запада, началом последней Большой Охоты эпохи капитализма, падением спроса на сырьё (последнее способно заставить даже антимодернизаторские элиты начать отплясывать “модерновую джигу”) и сокращением “кормовой базы” “илитки” (с прямой и явной угрозой усиления конфликтов внутри неё, с одной стороны, и сопротивления населения растущему пропорционально кризису давлению на него сверху). Сочетание активов и условий позволяет, пусть и слабо, но надеяться, что точка невозврата в разгосударствлении власти у нас не пройдена. Нужно помнить, что в исторической России централизованная власть (“государственность”) — это функциональная среда жизни русских, а потому есть фактор не политики, “надстройки”, а цивилизации, “базиса”. Поэтому попытки разрушения русской государственности её внешними и внутренними врагами — это не только и даже не столько политическая борьба, сколько подкол под русский вариант европейской цивилизации, под русский социокультурный тип, курс на выживание русских из истории. У русских сложные отношения с собственным “центроверхом”, который постоянно давит на них и в то же время определяет и определяет их экзистенциально-историческое поле физически и метафизически. Русские могут быть недовольны своим государством, критиковать его в лице его представителей, однако, как только “центроверх” слабеет или оказывается под угрозой разрушения извне, русские бросались его укреплять или, разрушая прогнивший (как это произошло в 1917–1929 годах), воссоздавали на его месте новый, ещё более сильный и жёсткий, адекватный внутренним и внешним обстоятельствам, которые по ходу истории становились всё жёстче.

Специфика нынешних обстоятельств такова, что одного лишь сильного государственного, институционально-иерархического уровня игры мало, необходимо комбинировать его с сетевым, выстраивая цепочки анклавов по типу цепочек “камней” в игре го, сокращая противнику “зону дыхания”. Как учил Ленин, только комбинация легальных и нелегальных форм борьбы ведёт к успеху — в том числе на мировой арене; перефразируем: комбинация институциональных и сетевых форм и методов. Нужен асимметричный, неожиданный ход, обнуляющий шестисотлетнее превосходство противника и позволяющий переиграть “алхимиков Цифры” и “хозяев сетей” на их же поле.

— **И каковы выводы из всего сказанного выше?**

В сухом остатке. Нынешний мир стремительно меняется на наших глазах. Заканчивается, а точнее, закончилась постсоветская эпоха — в РФ, в СНГ, в мире. Да-да, и в мире, поскольку разграбление бывшей социалистической зоны буржуинами и их местными поделщиками в значительной степени определяло динамику мирового развития вплоть до кризиса 2008 года; затем наступил десяток лет инерционного развития. Теперь — всё.

На просторах бывшего СССР вынырнувший из лихих девяностых социум в течение двух первых десятилетий XXI века характеризовался, помимо прочего, следующими чертами:

— относительной стабильностью, которая стала основой негласного социального договора между властью и населением;

- массовой поведенческо-психологической ориентацией на потребление;
- высокомерно-снисходительным отношением (мягко говоря) власти к населению (от игнорирования позиции людей по пенсионной реформе до домашних арестов под видом самоизоляции весной 2020 года), которое, однако, долгое время не вызывало протеста.

Все эти характеристики тают на глазах. Пенсионная реформа, продавленная по команде МВФ (значит, суверенитет, говорите?) вопреки воле самых широких слоёв населения, резко ослабила основы социального договора; коронавирусная история сильно ускорила и так уже существовавшее движение мира (включая РФ) в направлении постпотребительского общества. Ясно, что во всём мире уровень потребления будет постепенно снижаться. Наступает эпоха глобальной бедности, и пострадают от этого, прежде всего, те страны, которые не накопили достаточно “социального жира”; РФ с её полуколониально-деградационной моделью существования, – безусловно, из этого разряда.

Нарастающие массовые протесты на постсоветском пространстве – от Хабаровска до Беларуси, – обусловленные экономическими, социально-демографическими, культурно-психологическими и иными факторами, требуют серьёзной модификации алгоритма поведения властных элит – перехода от монолога к диалогу, причём быстрого перехода. Лукашенко заигрался и “замешкался” (ему бы обратиться к народу намного раньше; кстати, несколько лет назад замечательный автор А. Афанасьев опубликовал два романа – “Белорусский набат” и “Белорусский узел”, в которых рассказывается о свержении в 2020 году режима Лукашенко силами прежде всего ЦРУ, польской разведки и украинских нацистов) – и, как говорил герой одного советского фильма, “загремел под панфары” (это – уже независимо от того, сохранит он формально власть или нет).

Новая эпоха потребует новой элиты – не факт, что она будет лучше; факт, однако, в том, что постсоветика своё отработала. Сможет ли она нырнуть в котёл исторических возможностей и вынырнуть “добрым молодцем”, или произойдёт “бух в котёл, и там сварился” – вопрос открытый. Любой ответ на него принесёт всем нам много-много непокоя.

Нынешний мир не только меняется, но одновременно резко и упрощается, и усложняется в силу своей турбулентности и непредсказуемости. Это не теннис, а сквош, это не шахматы, а го. Реальной среднесрочной инструментальной альтернативой нынешнему хаосмосу может быть, как я уже сказал, только новый левый проект. Говоря “левый проект”, я ни в коем случае не включаю в него и не имею в виду троцкизм – под него сегодня подпишется значительная часть глобалистов и, самое главное, антисоветчиков. Для меня левый проект – это “красный проект”, реализованный в СССР в 1930-е – первой половине 1950-х годов: победительный, народный – суровый и жёсткий – социализм, который хрущёвско-брежневская номенклатура превратила в размягчённо-гнилой номенклатурный, а горбачёвщина выдавила социализм и оставила гниль. Повторить советский проект невозможно, но можно использовать его технологию и методологию в новых условиях – как говорил Жан Жорес, взять из прошлого огонь, а не пепел. Разумеется, сказать легче, чем сделать, и тем не менее: в начале было Слово. Надо работать, и надо поторапливаться. Моцартовский “Реквием” ещё не слышен, но под звуки Пятой симфонии Бетховена (“Так судьба стучится в дверь”) уже слышны шаги Командора. Вопрос, кем он окажется: властелином Хаоса или Порядка? Ответ во многом зависит от нас, от того, насколько народ и власть будут едины и готовы в едином порыве рвануть вперёд, “гремя огнём, сверкая блеском стали”.